

13 ФЕВРАЛЯ 1963 ГОДА исполнится девяносто лет со дня рождения Федора Ивановича Шаляпина. Мы публикуем главу из «Книги встреч» драматурга и режиссера Н. Г. Виноградова-Мамонта, который в течение многих лет был близко знаком с Ф. И. Шаляпиным.

25 ОКТЯБРЯ 1917 года я, поручик конной артиллерии, только что вернувшийся с фронта, сидел в оперном зале Петроградского Народного дома. Давали «Дон Карлоса» Верди. В роли короля Филиппа — Шаляпин. Вид зрительного зала меня настроил: всюду газеты — утренние, вечерние. Пошли нервные слухи.

Все билеты проданы, но к восьми часам вечера огромный зал далеко не полон. Третий звонок. Публика задних рядов ринулась в партер на свободные места.

В боковом двери партера вырос великан: черная кожаная куртка, на поясе — маган, три гранаты, на рукаве — красная перевязь с буквами: К.В.Р.К. — «Комиссар Военно-Революционного Комитета». Это мой друг Кожин, комиссар резервного отряда. Я знал, что резерв по выстрелу «Авроры» должен подойти к Зимнему дворцу со стороны Ростральных колонн. Наблюдательный пункт резерва — на вышке Народного дома.

За ним следовали лейб-гренадеры, великаны под стать Кожину, держа винтовки с прижатыми штывками. Не спеша они заняли свободные места.

В первом ряду мой сосед, тучный «смокинг», заорал:

— Кафры! Кафры в театр ворвались!

— Серж! — одернула его спутница. — Они разорвут тебя...

Кожин издали, как мальчишке, угрожал ему пальцем.

Потушили свет. Капельмейстер поднял палочку. Действие началось, а в зале все еще шумно. Смущенные артисты надрызали голоса.

Мой сосед, «злобствующий смокинг», шипел своей спутнице:

— Платишь такие деньги за билеты, и что же? Сади посадят солдатню, а рядом с тобой...

Дама поспешно заметила:

— Офицер артиллерист.

— Но плетей.

Я взглянул на «патриция» и узнал Сержа Семенова, купеческого сына-миллионера, с которым учился в средней школе.

И. М. МССКВИН, Ф. И. ШАЛЯПИН, К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ, художник С. А. СОРИН и В. И. КАЧАЛОВ. 1923 год.

Чтобы не вступать с ним в полемику, я встал и пошел за кулисы к Ф. И. Шаляпину.

Шаляпин был мрачен, как король Филипп. Встретив меня, он просветлел:

— А, Мамонт! Как фронт?

— Фронт здесь, в Петрограде.

— Фронт и у нас в театре, — подхватил Шаляпин. — Господа артисты желают прекратить спектакль: солдатня, мол, сидит в театре. Не слушают их итальянскую кантилену.

И громко бросил злую реплику туда, в сторону коридора, где труппа жадно прислушивалась к его голосу.

— Не можете публику захватить? Чему же вас учат в консерваториях? — закончил он, саркастически выпевая слово «консерваториях».

Он встал — величественный и гармоничный в черном бархате, с зо-

лотой цепью на груди. Черная испанская шляпа на гордо поставленной голове. Сурово сдвинуты брови. Рыжая с проседью борода. Но под королевским гримом приоткрылся вятский мужик с серыми умными глазами — Федор Иванов.

Я занял место за кулисами и наблюдал за Шаляпиным. Федор Иванович часто рассказывал мне о своем самочувствии на спектакле. И сейчас я свободно читал «партитуру души» величайшего артиста.

Вот он шагнул на сцену, увидел бутафорский сад и тотчас ощутил в себе заряд могучей творческой энергии. А в сердце почувствовал ни с чем не сравнимую радость: он попал в

Н. ВИНОГРАДОВ - МАМОНТ

В ОКТЯБРЬСКУЮ НОЧЬ

ту «родную стихию», для которой был рожден.

Первый шаг среди чуждых кустов, первый жест, и он уже не Федор Шаляпин, а король Филипп, вставший из гробницы Эскуриала. Филипп воплотился в нем с такой напряженной жизнью, что Шаляпин твердо знал: никакая сила на свете не заставит его думать, что он не Филипп. А зоркий вятский мальчишка Федор Иванов не исчез в нем, притаился где-то в затылке и оттуда, как строгий контролер, следил за Филиппом.

Филипп, черной тенью мелькнув среди деревьев, неожиданно вырос перед королевой. Холодом повеяло от каменного лица.

— Почему королева одна? — обращаясь к фрейлине, спел Шаляпин металлическим резким звуком. Этот звук мерзлой ледяной прикоснулся к моей спине. Шаляпин

взглянул на фрейлину сверлящим взглядом — и фрейлина умерла от ужаса.

Он перевел свой тяжелый, налитой ревностью и инквизиторской подозрительностью взор на королеву и вдруг увидел прелестные глаза молодой певицы, трепетно сияющие, как две голубые свечи. Он прочел в этих глазах безумие страха перед ним, мировым триумфатором, необузданным и беспощадным в искусстве Шаляпиным. Он понял, что спазмы сжимают ее горло. Волна сочувствия и нежности хлынула в сердце Шаляпина. Он теплым отеческим тоном прошептал:

— Нельзя же так волноваться!..

И тотчас на легчайшем пианиссимо спел предстоящую фразу королевы, окрасил ее глубоким чувством. Певица, как под гипнозом, повторила ша-

ляпинскую интонацию, спела так выразительно, что вызвала аплодисменты.

— Молодец! — тихо одобрил Шаляпин.

В сцене Филиппа с маркизом Позой зрительный зал замер в «божественном молчании» (по любимому выражению Федора Ивановича). Я почувствовал: сейчас Шаляпин в том «озарении», когда свершается «чудо искусства».

Филипп с его изуверским тезисом: «Только кровью могу я в мире водворить покой» слышит вольнолюбивый ответ Позы:

— О король, дайте свободу!

Сухие речитативы Филипп наполнил не гневом деспота, а самопризнанием, казалось бы, не мыслимым для него:

— Вот наконец нашел я друга, кого душой искал!

Высокая грусть, тоска, поиски друга, жажда новых жнвотворящих пу-

Ф. И. Шаляпин в роли Дон Кихота. Рисунок художника А. Е. Яковлева. 1916 год.

лось, как сотрясались своды Эскуриала. Законы, сложенные веками, империи, религии, философии тысячелетий, «скрепы мироздания» — все рушится, как на Страшном суде! Шаляпин пел:

О, если б венец дал мне силу и власть

В сердцах людей читать все мысли тайные, желанья.

Грозное фортиссимо! как карающий рок! Он допытывается страшным аутодафе: где твои пороки, грехи, преступления, содеянные или только замысленные?

Я содрогался перед этим неотвратимым вопросом. Со страстью и пылом юности я исследовал свою душу, очищаясь от мелких, низменных чувств и стыдных желаний. И предвидел, как содрогнется зрительный зал черных смокингов и бриллиантовых декольте, когда шаляпинский трубный голос, как неумолимый прокурор, разденет их волчьи души. И будут они корчиться в данговских муках.

Данечка, сыграв заключительный аккорд, не стыдясь, утирал слезы.

— Так vedi оркестр, понял? — внушал Шаляпин.

В темноте зрительного зала я пробрался к своему креслу. На сцене — дьорец Филиппа. Мрачный, тяжело-веселый, он глубоко вдавился в землю. Напротив — готический собор с фанатическим упорством взметнул ввысь свою суровую громаду. От собора к дворцу — пурпурная дорожка.

На площади — кардиналы, монахи, гранды и придворные дамы. Ярчайшая палитра красок мантй, костюмов и нарядов сливается в одну сиюту с праздничным перезвоном колоколов. А в воздухе пепел и гарь аутодафе. Пахнет горячей серой, изнуряющим страхом и горькой солью слез еретиков, осужденных на сожжение.

Открылись двери собора. Из каменного портала — аккорды тысячетрубного органа. А на паперти в золотой короне и броне, как золотой идол, облитый кровью, Филипп.

Я жду его повелительного возгласа, знакомого по прошлым спектаклям: «Я клялся небу... истребить еретиков... огнем и мечом».

Не внезапно голос Филиппа дрогнул, «сломался». Вместо звенящего металла — сарказм, исвержен в свое право: «Вести еретиков на костер!»

Мой сосед, «патриций» Семенов, как ужаленный, заерзал в кресле:

— Где же Филипп — деспот, тиран? Где же апофеоз царской карающей власти? А! Босьяк Шаляпин выслуживается! Лезет в солисты Его Величества Пролетариата!

Орудийный гром сотряс театр.

«Аврора!» — мелькнуло в моем сознании.

На сцене в один миг дамы, гранды, монахи, кардиналы, как крысы, бросились за кулисы.

Перепуганный машинист перепутал блоки, и... тяжеловесный дворец Филиппа покачнулся и рухнул, подняв облако пыли. Оркестр остановился.

— В ружье! — гаркнул Кожин.

Откидные стулья амфитеатра заглопали, как пулеметная очередь.

А на сцене среди рухнувших декораций еще возвышался Шаляпин, как бы с высоты вечности взирая на нас. И мне слышались его напутственные слова:

— Революция Прометеев!